

Научная статья

УДК 82.6

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

Поэтика «романа в письмах» Б. Пастернака и М. Цветаевой (Статья первая)

Владислава Олеговна Нурхаметова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

vonurkhametova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6560-2164>

Аннотация

Переписка М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака, обладающая насыщенно творческим характером, – один из уникальных документов истории русской литературы 1920–1930-х гг. С момента своей полной публикации в 2004 г. он не раз оказывался в поле научного интереса исследователей: с помощью переписки предлагались интерпретации отдельных текстов и их фрагментов, выстраивались биографии поэтов. Однако поэтика всего корпуса их писем в целом по существу не рассматривалась. В работе предлагается анализ содержания и поэтики писем поэтов друг к другу, прослеживается и иллюстрируется складывающийся в их переписке своеобразный миф, который мы обозначаем как «роман в письмах».

Ключевые слова

Б. Пастернак, М. Цветаева, переписка, роман в письмах, житнетворчество, не-встреча

Для цитирования

Нурхаметова В. О. Поэтика «романа в письмах» Б. Пастернака и М. Цветаевой (Статья первая) // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 33–54. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

The Poetics of the “Novel in Letters” of B. Pasternak and M. Tsvetaeva (Article 1)

Vladislava O. Nurkhametova

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

vonurkhametova@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6560-2164>

Abstract

The correspondence of M. I. Tsvetaeva and B. L. Pasternak, which has a vivid literary character, is one of the unique documents of the history of Russian literature of the 1920s–1930s. Since its full publication in 2004, it has repeatedly become the subject of multiple scientific

© Нурхаметова В. О., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 33–54
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 33–54

research projects: interpretations of texts and their fragments were proposed, and biographies of poets were built through the correspondence. However, the poetics of the entire corpora of their letters as a whole was not considered in detail. The final paper offers an analysis of the content and poetics of the poets' letters to each other, as well as traces and illustrates the peculiar myth that develops in their correspondence, which we designate as a "novel in letters". Further, it is considered how the main themes and motives of correspondence were reflected in the work of both correspondents on the basis of the key motives of this "novel".

Keywords

B. Pasternak, M. Tsvetaeva, correspondence, novel in letters, life-creation, non-meeting

For citation

Nurkhametova V. O. The Poetics of the "Novel in Letters" of B. Pasternak and M. Tsvetaeva (Article 1). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 33–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-33-54

Об истории отношений и характере «романа в письмах»

Отношения М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака можно описать цитатой из их переписки: «Ты хочешь за руку, надо братья за ручку»¹. Они были представителями одной московской культурной среды, и несколько раз их пути пересекались. Однако оба не замечали, не читали и вовремя не оценили в полной мере поэтическую одаренность друг друга. Дружба между поэтами завязалась только в 1922 г. в формате переписки, когда Цветаева уже находилась в эмиграции, в Берлине, а Пастернак оставался в Москве. Пастернак прочел сборник стихов Цветаевой «Версты» и 14 июня 1922 г. написал ей полное восторженное письмо, в котором сожалел об упущенных в Москве встречах и описывал свое восхищение творчеством поэта. В ответном письме от 29 июня 1922 г. Цветаева дополнила историю неслучившегося знакомства, подчеркнув, что даже во время этих мимолетных встреч она увидела в Пастернаке поэта. В первых числах июля 1922 г. Пастернак отправил Цветаевой свою недавно вышедшую книгу «Сестра моя жизнь», которая произвела на нее такое же (если не более сильное) впечатление, как «Версты» на Пастернака. 3–7 июля 1922 г. Цветаева пишет статью «Световой ливень» с подробным разбором книги, а в дальнейших письмах начинает мифологизировать и идеализировать Пастернака. Цветаева вплетает его в свой собственный творческий миф, а Пастернак, в свою очередь, включается в творческую игру (с другой стороны, он ее и начинает, написав первое эмоциональное письмо).

Дистанционный характер – это значимая черта не только их «знакомства», но и дальнейшей связи, так как до 1935 г. поэты не встречались. В письмах же они развивали мифологизированную историю о себе как о двух равных творцах, обладающих могущественной связью друг с другом, но роковым образом разединенных. Письма становятся на период активной переписки для поэтов аналогом как встреч и разговоров, так и жизни в целом. А сама оппозиция «встречи» и «не-встречи» – важнейший для эпистолярного диалога лейтмотив, благодаря которому переписка получает творческое развитие.

¹ Здесь и далее письма цитируются по [Цветаева, Пастернак, 2017] с указанием номера страницы в круглых скобках.

История их отношений закончилась драматически. Пастернак встретился с Цветаевой и ее семьей в 1935 г., во время своей поездки на антифашистский конгресс. Однако к этому моменту переписка между поэтами, а также их отношения сильно изменились (во многом из-за второго брака Пастернака, различий в политических и творческих взглядах, что отразилось в цветаевской статье «Поэты с историей и без истории» и поэме «Автобус»). Пастернак находился в тяжелом состоянии, он страдал от бессонницы и перенес нервный срыв. Кроме того, ему не столько разрешили ехать за границу, сколько вынудили принять участие в официальной советской делегации. По совокупности этих причин в Париже, по определению самой Цветаевой, произошла «не-встреча», как и стали фактической «не-встречей» в рамках «романа в письмах» отношения в Москве после возвращения Марины Ивановны в Россию. После самоубийства Цветаевой Пастернак испытывал сильное чувство вины, так как считал, что, если бы в те месяцы он был с ней, все могло иметь другой исход.

Тем не менее их многолетняя дружба отразилась во многих произведениях авторов, а также оказала влияние на жизни обоих в целом. Как отмечает Кэтрин Сирила, автор монографии об истории отношений Пастернака и Цветаевой, годы переписки привели к необычному обмену мнениями на расстоянии, возможно, самому важному разговору, который состоялся в условиях растущего культурного разрыва между Советской Россией и русской эмиграцией [Cierpela, 2006, p. 2]. По замечаниям многих исследователей, эпистолярный диалог поэтов можно рассматривать как полноценный художественный текст, «роман о творчестве и любви двух современников, равных по силе таланта и поэтического голоса», – как о собрании писем Пастернака и Цветаевой пишут Е. Б. Коркина и И. Д. Шевеленко в аннотации ко второму полному изданию переписки [Цветаева, Пастернак, 2017, аннот.]/

В рамках литературных биографий Пастернака и Цветаевой создание такого текста на границе жизни и искусства именно этими поэтами представляется нам более чем логичным. На них повлияли символисты, чье последовательное «жизнетворчество» предполагало отказ от разделения жизни и искусства. В этом смысле «роман в письмах» можно интерпретировать еще и как жизнетворческий процесс. У этого были и индивидуальные предпосылки. В случае Цветаевой – это характерный для ее более раннего творчества поиск «героя»: она пишет циклы, посвященные поэтам («Стихи к Блоку», «Ахматовой»), историческим личностям («Марина» – цикл, посвященный Марине Мнишек), литературным персонажам («Дон-Жуан»). Иначе говоря, она каждый раз переосмысляет через «героя» собственное «Я» и так строит миф о себе. К 1922 г. Цветаевой как раз был необходим равный ей поэт, новый герой ее мифа – Пастернак. Пастернак же будет неоднократно писать о необходимости родства с Цветаевой, в особенности в 1926 г. Осмысляя этот период в письме от 5 января 1928 г., поэт писал: «“Поэма Конца” и известие, что я попался Рильке на глаза. Ты знаешь, эти две вещи были тем первым знаком мира и родства, которого я ждал с самого 914 г.» (с. 408).

Такими образом, мы рассматриваем переписку (весь корпус писем 1922–1935 гг.) Пастернака и Цветаевой как своеобразный «роман в письмах», где каждый из них конструирует уникальную поэтику и развивает общий миф, основа которого – тема «не-встречи». Поэты создают отдельную реальность, в которой биографическое переплетается с художественным. Несмотря на различную интен-

сивность переписки в разные годы, как целое она обладает большой художественной завершенностью, позволяющей рассматривать ее как своеобразный цельный текст, написанный двумя авторами, – в этом и состоит наша главная гипотеза.

Отметим: несмотря на то, что история отношений поэтов давно находится в поле научного рассмотрения, большая часть исследований сфокусирована либо на изучении произведений авторов, обращенных друг к другу или связанных с дружбой поэтов (это работы: [Раевская-Хьюз, 1971; Шевеленко, 2002; Поливанов, 1992; Динега Гиллеспи, 2015]), либо на истории отношений поэтов в целом (монография К. Сипилы [Ciepiela, 2006]). Главная же цель нашей работы – обратить внимание на художественную составляющую их писем, позволяющую говорить о переписке как о «романе в письмах», и рассмотреть его поэтику путем детальной работы с письмами.

Письма как часть творчества поэтов

Рассмотрим, как в переписке отражено отношение поэтов к самому писанию писем. История писем Цветаевой наиболее репрезентативна в этом аспекте. Существенная часть писем поэта к Пастернаку не сохранилась. Об обстоятельствах их пропажи Пастернак писал в автобиографическом очерке «Люди и положения»: сотрудница Музея имени Скрябина, почитательница Цветаевой, хранила эти письма у себя в ручном чемоданчике, который всегда возила с собой. Однажды она оставила этот чемоданчик в вагоне электрички. «Так уехали и пропали письма Цветаевой»² [Пастернак, т. 3, с. 341]. Однако письма удалось восстановить по ее рабочим тетрадям с черновиками произведений³, именно в них Цветаева записывала письма Пастернаку, что говорит о том, что она воспринимала создание писем другу-поэту как творческий процесс. Об этом же она неоднократно писала Пастернаку, например, 9 апреля 1926 г.:

Борюшка! Вот тебе примета. Письма к тебе (вот и это письмо) я всегда пишу в тетрадь, на лету, как черновик стихов. <...> Ты и стихи (работа) у меня нераздельны. Мне не нужно выходить из стихов, чтобы писать тебе, я в тебе пишу (с. 154),

а около 12 ноября 1927 г.:

Дорогой Борис, моя [черновая] тетрадь меньше стихи, чем письма к тебе (с. 391).

Тот факт, что Цветаева писала текст писем как минимум в двух черновиках (один для себя, другой для Пастернака) также указывает на то, что она считала письма к Пастернаку частью своего творчества. Кроме того, письма поэта зачастую композиционно разделены на две смысловые части: мифотворческую, где она развивает создаваемый с Пастернаком миф и конструирует художественное пространство, и «реальную», где она пишет о быте, вопросах повседневной жизни. Обе части она может разделять вводной фразой, например: «Можно о достоверно-

² Здесь и далее сочинения Б. Л. Пастернака цитируются по собранию сочинений [Пастернак, 2003], с указанием тома и страницы.

³ См. предисловие И. Д. Шевеленко (с. 6–7).

стях?» (с. 156), «Никогда не пишу тебе о быте, но чтобы ты все-таки знал, что я “живу”» (с. 104).

Говоря о Пастернаке, отметим, что в его эпистолярном наследии, связанном с Цветаевой, нет столь же прямых указаний на то, что поэт работал над письмами как над творческими текстами. Однако существуют косвенные детали, на наш взгляд, подтверждающие этот тезис. Во-первых, Пастернак пишет письма Цветаевой очень долго, чего мы не наблюдаем в переписке с другими корреспондентами. Во-вторых, в его письмах много «внутренней редакции». Часто Пастернак в текстах писем дает негативную рецензию на свои реплики, пишет о том, что не умеет писать письма (и в этот же период его творчества он считает, что разучился писать стихи). Например, в письме от 27 марта 1926 г. поэт жалуется, что он превращает письмо в диссертацию: «И опять диссертация! Как от этого отделаться!» (с. 143). Мысленная редакция поэта распространяется и на корпус писем в целом, о чем Пастернак писал 19 марта 1926 г.:

Прошлую неделю я мысленно переписал Вам множество писем, прожил несколько лет, сильно заскочив вперед, и сделал много такого же, бесследного и бесплодного (с. 134).

Напротив, он подчеркивает талант Цветаевой писать письма (подобно тому, как он отмечает поэтическую гениальность адресата):

Как ты замечательно пишешь! И всего больше тебя и жизни, т. е. музыки земного притяженья в твоих спокойных описаньях (с. 466).

Кроме того, в этом контексте примечательны слова Пастернака от 14 июня 1924 г.:

Как хочется жизни с Вами. И прежде всего той его <так!> части, которая называется работой, ростом, вдохновеньем, познанием (с. 91).

Как мы видим, «жизнь с Цветаевой» (это мы и называем «роман в письмах») напрямую связана с процессом работы, что говорит о соответствующем отношении поэта к письмам. Работа, вдохновение, познание – это название того пространства, в которое Пастернак помещает себя в их переписке, и где он находится в контакте с Цветаевой. Об этом же он писал и 16 августа 1925 г.: «Работать не терпится, без работы душе нашей конец» (с. 117), – причем здесь же Пастернак развивает их миф об общности и связи душ.

Важно и то, что в переписке поэты описывают сами письма как нечто, обладающее своим творческим сознанием:

Ни то, ни другое – не по заказу: снится и пишется не когда *нам* хочется, а когда хочется: письму – быть написанным, сну – быть увиденным. (Мои письма – *всегда* хотя бы написанными!) (с. 22) (письмо Цветаевой от 19 ноября 1922 г.);

Письмо разгорячается, точно оно способно заковать получателя и его вызвать и поставить перед тобой (с. 131) (письмо Пастернака от 24 февраля 1926 г.).

Письма оба автора считают важнейшей составляющей жизни вообще (или даже ее лучшей альтернативой). В начале переписки Цветаева, формулируя разницу между лирикой и прозой, писала Пастернаку:

Сюжет, мотив, жанр

А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь (с. 37) (письмо от 11 февраля 1923 г.).

И далее:

...письма мои к Вам – перерывы в том непрерывном письме моем к Вам, коим являются все мои дни после получения книги (с. 38).

Соответственно, разрабатываемый «роман в письмах» и вся мифологизированная история отношений («непрерывное письмо»), на наш взгляд, и есть эта «большая вещь», становящаяся «единственной жизнью», по ее мнению. Для Цветаевой «проза» (в том числе письма) – это «*страна*, в ней живут» (с. 113), поэтому конструируемый «роман в письмах» создается еще и как отдельная, совершенная жизнь.

Саму же необходимость в построении отношений именно в письмах Пастернак и Цветаева чаще всего объясняли тем, что они не вписываются в реальность, не умеют жить. Например, в письме от 12 ноября 1922 г. Пастернак пишет, что хорошо знает «за собой полную неспособность быть или только воображать себя человеком всегда и во всякое время» (с. 16). В этом же письме поэт отмечает:

Я больше всего на свете (и, может быть, это единственная моя любовь) люблю правду жизни в том ее виде, какой она на одно мгновение *естественно* принимает у самого жерла художественных форм (с. 17).

Таким образом, настоящая жизнь для поэта – жизнь художественная (в том числе мир, создаваемый в письмах). «Ирреальность» Пастернака неоднократно отмечает и Цветаева:

Впечатление об его ирреальности: никогда не поверю, что Вы *есть*. Вы есть временами, потом Вас нет (с. 22) (письмо Цветаевой Пастернаку от 19 ноября 1922 г.).

Здесь примечательно также то, что поэт пишет о Пастернаке в третьем лице, как о персонаже).

Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, не мыслится мне оно, слишком похоже на сон (с. 30) (письмо Цветаевой Пастернаку около 10 февраля 1923 г.).

Здесь же, на наш взгляд, необходимо вспомнить отличительную черту поэтики Пастернака, на которую указывал А. К. Жолковский: принцип контаминации, смешения, частое отсутствие границы между лирическим героем и окружающей его действительностью [Жолковский, 2011, с. 12]. Соответственно, эта черта преломляется и в переписке, в которой таким «лирическим героем» является сам Пастернак. Однако несовместимость с реальной жизнью неоднократно отмечает Цветаева и у себя:

У меня сейчас чувство, что я уже нигде не живу. Вандея – пока, а дальше? У меня вообще атрофия настоящего, не только не живу, никогда в нем и не бываю (с. 215) (письмо от 21 июня 1926 г.).

Так, поэты, отмечая неполноценность жизни реальной и собственное неумение жить, формулируют, в том числе, мысль о том, что их письма – альтернативная реальность, со своими законами и поэтикой.

Мифологизированная история отношений и неслучившаяся встреча как лейтмотив «романа в письмах»

В июне 1928 г., в период, когда интенсивность переписки пошла на спад, Цветаева писала:

Б<орис>, наши нынешние письма – письма людей отчаявшихся: примирившихся. Сначала были сроки, имена городов – хотя бы – в 1922 г. – 1925 г.! <...> Со сроками исчезла срочность (*не наоборот!*), дозарез-ность друг в друге (с. 442).

Нам представляется, что основной миф Пастернака и Цветаевой строился на оппозиции «встреча» и «не-встреча», и именно она задавала письмам творческий потенциал. Как видно из вышеприведенной цитаты Цветаевой – сроки были условной необходимостью, творческим импульсом, на котором держалась лирика переписки. «Не-встреча» в жизни и договоренность о будущей встрече задавали широкое поле для фантазии: отталкиваясь от «не-встречи» в жизни, поэты создавали «встречи» в письмах. Поэтому важно отследить формирование и трансформацию этого субстрата с течением переписки (этот же мотив станет основой для многих произведений поэтов, например для цикла «Провода» Цветаевой, отобразится в «Спекторском» и «Докторе Живаго» Пастернака).

До начала переписки в 1922 г. Пастернак и Цветаева несколько раз сталкивались в Москве, однако в письмах поэтами подчеркивается, что они фатальным образом не заметили друг друга. Тем не менее, по их письмам друг к другу и другим источникам можно реконструировать, когда именно поэты пересекались в Москве и как воспринимали друг друга в этот период. Их переписка начинается с судьбоносных для них и для их творчества объяснений того, почему они не встретились, не заметили друг друга. Первая по хронологии встреча – на вечере в доме у М. Цетлина в 1918 г. – упоминается в первом письме (29 июня 1922 г.) Цветаевой к Пастернаку (Цветаева пишет, что встреча была весной, однако на самом деле вечер проходил в конце января [Катанян, 1985, с. 138], возможно, она так сказала намеренно, чтобы создать кольцевую композицию их пересечений в Москве, поскольку последняя из указанных встреч произошла весной). Адресант писала, что сразу же увидела в Пастернаке поэта:

Вы сказали: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней – как Бальзак». И я подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. – Поэт» (с. 13).

Об этой же встрече Пастернак писал дважды в письмах (27 марта 1926 г. и 3 мая 1927 г.) и в «Охранной грамоте», каждый раз выделяя Цветаеву среди присутствовавших:

Но, не зная и тогдашних замечательных ее «Верст», я инстинктивно выделил ее из присутствовавших за ее бросающуюся в глаза простоту. В ней угадывалась родная мне готовность в любую минуту расстаться со всеми привычками и привилегиями, если бы что-нибудь высокое загло ее и привело в восхищенье [Пастернак, т. 3, с. 229].

Встреча у Цетлиных описывается Цветаевой в начале эпистолярного диалога и в 1926–1927 гг. упоминается Пастернаком, так создается композиционное обрамление их «романа в письмах».

Следующие по хронологии упоминаемые встречи, о которых пишет Цветаева: «Зимой 1919 г. на Моховой» (с. 14), «Зимой 1920 г. <...> в Союзе писателей» (с. 14), осенью 1921 г., когда Пастернак заходил к Цветаевой в «трущобу в Борисоглебском переулке» (с. 14), чтобы передать письмо Эренбурга. Об их последней встрече («не-встрече») – на похоронах Т. Ф. Скрябиной в апреле 1922 г. – пишут друг другу оба поэта, и это единственная встреча, которую упоминает в своем письме Пастернак. Он, с одной стороны, описывает два собственных упущения знакомства: непонимание, с кем он идет рядом на похоронах Скрябиной (хотя, учитывая, что они встречались ежегодно, и прочесть Цветаеву ему рекомендовал Эренбург, Пастернак не мог не понимать, кто находится рядом), слишком позднее знакомство с «Верстами», когда Цветаева уже была в эмиграции. С другой, адресант описывает два «равно непростительных промаха» (с. 120) Цветаевой, из-за которых их близкое знакомство в Москве не случилось: она сама не указала Пастернаку прочесть «Версты» и затем не прислала книгу до отъезда.

Таким образом, само по себе это «не заметили» представляется нам именно частью художественного оформления их «не-встреч» и предварительной подготовкой основы для «романа в письмах» и общего мифа. Очевидно, что они не только видели друг друга, но и отлично знали, кого видят, т. е. речь идет о том, что оба не находили ничего уникального в человеке, оказавшемся рядом, не представляли себе масштаб поэтического явления друг друга. Так начинается создающаяся с обеих сторон мифологизированная история отношений двух поэтов, а тема «не-встречи» становится сквозной для переписки.

В том же первом письме Пастернак писал, что вскоре собирается за границу и непременно захочет увидеть Цветаеву. Так в переписке появляются «сроки» (с. 442) (временная категория в «романе в письмах») и «имена городов» (с. 442) (категория пространственная). Пастернак приехал в Берлин 15 августа и обнаружил, что он вновь упустил встречу с Цветаевой, которая всего двумя неделями ранее, 31 июля, уехала в Прагу.

В начале 1923 г. Пастернак напишет, что больше не может оставаться в Берлине. Цветаева, которая еще в ноябре писала о превосходстве душевных встреч над реальными, в письме от 10 февраля 1923 г. будет настаивать на встрече до отъезда Пастернака:

<...> не уезжайте в Россию, не повидавшись со мной. Россия для меня – <...> почти тот свет. <...> в Россию – окликаю. – Итак, Пастернак, предупредите, я приеду. <...> Не отъезда я Вашего боюсь, а исчезновения (с. 35).

Цветаева пишет в письме, что жалеет, что не дождалась Пастернака в Берлине, и, если он не уедет раньше, планирует приехать в начале мая. В этом отрывке она закладывает основу творческого пространства будущих отношений с Пастернаком: Россия, куда адресат вскоре вернется, самое дальнее из возможных мест, мистическое и потустороннее, они окажутся разделены судьбой «по двум разным концам земли» [Цветаева, т. 2, с. 258]⁴, поэтому встреча до отъезда Пастернака – вопрос жизни и смерти. Кроме того, здесь она пишет:

⁴ Здесь и далее сочинения М. И. Цветаевой цитируются по собранию сочинений [Цветаева, 1994], с указанием тома и страницы.

В два места я бы хотела с Вами: в Веймар, к Goethe, и на Кавказ. (Единственное место в России, где я *мыслю* Гёте!) (с. 33).

В письме от 6 марта 1923 г. Пастернак писал:

Мы уезжаем 18 марта. В мае 1925 года я увижу Вас в Веймаре, даже и в том случае, если мы свидимся с Вами на днях. Этого последнего я бы желал всей душой. Я не боюсь того, что мне станет после этого трудней уезжать отсюда, потому что Веймар останется впереди и будет целью и поддержкой (с. 41).

Здесь Пастернак закладывает основу для продолжения их переписки как стремления к новой встрече – в 1925 г. в Веймаре (назначение встречи в Веймаре связано со словами Цветаевой о том, что именно туда она хотела бы отправиться с Пастернаком). Их встреча в Берлине так и не случится, в письме от 9 марта 1923 г. Цветаева сообщает Пастернаку, что не приедет, объяснив это множеством бытовых причин. Как отмечает А. Динегга Гиллеспи, Цветаева неискренне старается убедить Пастернака, что ее приезде препятствуют внешние обстоятельства, но, даже перебрав все практические резоны, она проговаривается [Динегга Гиллеспи, 2015, с. 188–189]: «Не приеду, потому что поздно, потому что беспомощна <...> потому что это моя судьба – потеря» (с. 46). Так, «не-встреча» в 1923 г., вероятно, оказывается добровольным выбором Цветаевой, ей необходима «потеря» для творческого подъема. С этой точки зрения верно утверждение А. Динегги Гиллеспи о том, что, «общим местом критики стало интерпретировать смысл роли Цветаевой в ее отношениях с Пастернаком <...> как упорную безысходность: она стремится к нему, он уклоняется. Однако прочтение ее обращенных к Пастернаку произведений в контексте мифа о Психее позволяет увидеть, что, совсем напротив, она всеми силами удерживает физическую дистанцию между собой и Пастернаком» [Там же, с. 160], – с той оговоркой, что Цветаева действительно отдаляется, но исходит к этому моменту не из мифа о Психее⁵, которая отказывается от категории пола в пользу души ради формирования собственного поэтического «я», а от нового мифа об Орфее (Пастернаке) и Эвридике (Цветаевой)⁶. Как пишет И. Д. Шевеленко, «мифологизируя свои отношения с Пастернаком, Цветаева не возвращается назад, к уже творчески пройденному ею этапу манипуляций с мифом об Эросе и Психее, а развивает свой текущий миф, в котором важнейшим структуро- и смыслообразующим элементом является творческая ипостась обоих героев и их “равенство”» [Шевеленко, 2002, с. 241]. И в ее письмах к Пастернаку этого периода, и в стихотворениях-откликах на их отношения, Цветаева не столько отстаивает свою независимость, сколько утверждает могущество их связи как равных и трагичность расставания, пусть и необходимого для творческого подъема.

У Пастернака были другие опасения по поводу их встречи. 21 марта Пастернак уехал из Берлина. За день до отъезда поэт писал Цветаевой о том, что Евгения, его жена, не понимает их дружбы и испытывает сильное чувство ревности (возможно, этим же объясняется и последовавшее почти годовое молчание Пастернака, сле-

⁵ Подробнее о сюжете о Психее в поэтике Цветаевой: [Шевеленко, 2002; Войтехович, 2005].

⁶ Подробнее о сюжете об Эвридике в цветаевской поэтике: [Шевеленко, 2002].

дующее письмо он напишет в первой половине 1924 г.). В конце письма адресант указал:

...я поблагодарил Бога за то, что не встретил Вас летом 17 года. А то бы я *только* влюбился в Вас <...> А мне кажется, что судьба сводит нас так для того, чтобы кругом нас и рядом с нами не было искажений, обманчивости, измен. До свиданья (с. 59).

Так или иначе, очередная «не-встреча» закрепляется в «романе в письмах» как хотя и роковое, и судьбоносное, но все же необходимое событие. Очередная «не-встреча» провоцирует появление нового «срока» – встречи в 1925 г. в Веймаре. В уже упоминавшемся письме Цветаева с восторгом откликается на предложенную Пастернаком встречу: «А теперь о Веймаре. Пастернак, не шутите. Я буду ЖИТЬ этим все два года напролет» (с. 44).

После упущенной встречи в Берлине в письмах собеседники конструируют воображаемые обстоятельства встречи в Веймаре, которая станет важнейшей темой писем 1923–1925 гг. вплоть до момента, когда оба окончательно поймут, что встречи не будет. Важно отметить, что встреча в Веймаре практически всегда осмысляется поэтами (в большей степени Цветаевой) рядом с темой судьбы. Об ожидании свидания Цветаева будет неоднократно писать: «Это – ставка моей жизни, так я это вижу» (с. 65) (письмо от января 1924 г.); «Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы – с той карточкой» (с. 98) (письмо от 14 февраля 1925 г., в последней фразе поэт цитирует стихотворение Пастернака «Заместительница»).

Письма Пастернака до 1926 г. более редкие (видимо, это связано с семейным конфликтом), нежели Цветаевские, однако и те письма, которые он пишет (во многом сдерживая свой эмоциональный и творческий порыв) – эмоциональные и развивающие их общий формирующийся миф. О встрече в 1925 г. Пастернак ничего конкретного так и не писал, лишь в письме первой половины 1924 г., после долгого молчания он указывает:

В том, как я люблю Вас, то, что жена моей любви к Вам не любит, есть знак неслучайный и себе подчиняющий <...> Либо нам не суждено свидеться <...>, либо же суждено нам, и в это я верю, встретиться вне всякой неправды, как бы непонятно и несбыточно это ни казалось... (с. 67).

Далее о встрече Цветаева спрашивает Пастернака весной 1925 г.: «Б.П., когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, *здесь* мои обе – заняты» (с. 102) (последняя строка войдет в майское стихотворение «Русской ржи от меня поклон»); «Борис! Каждое свое письмо к Вам я чувствую предсмертным, а каждое Ваше ко мне – последним. О, как я это знала, когда Вы уезжали» (с. 102). Однако конкретного ответа на это так и не получает. Встреча в Веймаре в 1925 г. не состоялась, и опасения Цветаевой могли бы оправдаться, и творчество и мифотворчество в письмах, и переписка в целом могли бы завершиться, если бы не новый творческий импульс, охвативший на этот раз Пастернака – запланированная встреча у Рильке и знакомство поэта с «Поэмой конца» Цветаевой.

В 1925 г. Цветаева сообщает Пастернаку ложное известие о смерти Рильке. В ответ на это Пастернак 16 августа 1925 г. пишет: «Вы часто спрашивали, что мы будем с Вами делать. Одно я знал твердо: поедем к Рильке. И даже одно такое сиденье у него однажды снилось мне» (с. 116) (здесь возникает новая важная тема

«встречи во снах»). Позже Пастернак выясняет, что Рильке жив, так встреча становится возможной: «Я надеюсь вырваться через год, и разумеется к тебе и с тобой к Рильке. Давай опять переписываться по-старому» (с. 145) (из письма от 27 марта 1926 г.). Отметим, что снова инициатором планируемой и одновременно сугубо «литературной» встречи выступил Пастернак. Прежний миф о встрече в Веймаре, т. е. «у Гёте», замещается встречей у поэта живого – Рильке. Второй импульс, который обостряет и тему «встречи», и в целом тон Пастернака в переписке, – прочтение «Поэмы конца», которая крайне изумила поэта, свой восторг он выразил в письме от 25 марта 1926 г.: «Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина! <...> Прямо непостижимо большой поэт!» (с. 138). Примечательно, что ранее, когда поэты обсуждали ложную весть о смерти Рильке, Цветаева писала: «Хотите одну правду? Тогда, в Берлине, две книги вместе – Сестра моя жизнь и книга (одна ведь) – Рильке» (с. 119), – т. е. вновь появляется композиционный повтор (один из многих в «романе в письмах»), заключающийся в связи поэтического творения одного из поэтов (1922 г. – знакомство Цветаевой с «Сестрой моей жизнью», 1926 г. – знакомство Пастернака с «Поэмой конца») с Рильке. Рильке в целом становится мифической фигурой в их переписке и находится рядом с темой встречи. К тому же завязывается важная для обоих тройственная переписка⁷. Таким образом, еще одна будущая встреча становится частью сотворенной художественной реальности, и «герои» начинают «жить» теперь и этим событием даже несмотря на то, что оно может не произойти в действительности. Как видно из предыдущих примеров, поэты практически никогда не обсуждают конкретные обстоятельства встречи: они выбирают лишь «сроки» (с. 442) и «имена городов» (с. 442), необходимые для построения художественной реальности в письмах, но с приближением встречи и времени принятия решений, т. е. вторжения реальности в художественное пространство, у поэтов появляются неотложные обстоятельства и страхи перед встречей. Однако есть одно важное исключение, имевшее место в 1926 г. Вдобавок к новому витку вдохновения, которое Пастернак приобретает после прочтения «Поэмы конца» и появления в переписке мотива «встречи у Рильке», поэт узнает в апреле 1926 г. из анкеты Цветаевой, что ее мать так же, как и Розалия Исидоровна Пастернак, была пианисткой. Совпадения в целом были очень важны для поэтов, которые строили миф о равенстве и связи судеб. Это открытие настолько потрясло Пастернака, что 20 апреля 1926 г. он пишет Цветаевой: «Ехать ли мне к тебе сейчас или через год?» (с. 172), указывая, что у него есть множество причин (основная – работа, чтобы быть достойным встречи с Цветаевой) отправиться к ней через год, но «нет сил остановиться» (с. 172) на этом решении. Цветаева однозначно отвечает: «Через год. <...> Не сейчас!» (с. 173). В вышеупомянутом письме Пастернак писал, что если Цветаева выберет встречу через год, то он будет только работать и не будет отвечать своей собеседнице.

Хотя Цветаева отказывает ему во встрече в 1926 г., поэты не могут остановить переписку до лета. Примечательно, что письма Пастернака становятся особенно поэтизированными и мифотворческими:

Я мог и должен был скрыть от тебя до встречи, что никогда теперь не смогу уже разлюбить тебя, что ты мое единственное законное небо и жена (с. 177).

⁷ Подробнее о тройственной переписке: [Cierpiela, 2006].

Лишь в письмах от конца июня Пастернак еще раз говорит о своем решении не писать и не отвечать Цветаевой и на этот раз выполняет его.

Наступает пауза в переписке, которой предшествовала еще одна важная запись Цветаевой: «Борис, никогда я еще ни одной встрече так не ужасалась, как нашей: я не вижу места свершения ее. Твоя мысль была гениальна: Рильке» (с. 208) (в письмах Цветаевой в целом всегда соседствовали необходимость встречи и мотив страха перед ней). «Гениальной» мысли о встрече у Рильке не суждено было сбыться – в конце декабря 1926 г. Рильке действительно умирает. Цветаева в письме от 31 декабря 1926 г. говорит, что последнее письмо Рильке к ней кончалось словами: «*Im Frühling? Mir ist bang. Eher! eher!*» (Говорили о встрече.)» (с. 246) (*пер.*: «Весной? Мне тревожно. Скорее! скорее!»). Весна в «романе в письмах» становится временем «не-встречи» (в Москве, в Берлине, с Рильке и далее в произведениях).

В письме от 1 января 1927 г. Цветаева «зывает» адресата в Лондон и считает эту встречу необходимой: «Я тебя никогда не звала, теперь я тебя зову, теперь время. Мы будем одни в Лондоне. Твой город и мой» (с. 247). Она выбрала Лондон, так как она уже намечала в письмах, что это идеальное для них место («Ты знаешь, Лондон – наш город, беспризорных бродяг» (с. 154)), писала, что может организовать встречу («если ты *по-настоящему* хочешь будущим (1927 г.) летом сюда, я тебе помогу <...>. Устроим вечера – в Париже и в Лондоне» (с. 156)), а также знала, что и Пастернак хотел увидеть город, т. е. Лондон уже давно был встроен в «роман в письмах». Переписка возобновляется, но отвечает на «зов» Пастернак лишь в конце апреля и косвенно сам отклоняет встречу. На это Цветаева напишет в мае:

Но в том письме я тебя звала, а в этом ты не едешь, это уже разминование: точная жизнен<ная> последоват<ельность>, норма дней: в порядке дней <...> Не удивл<аюсь> и не огорч<аюсь>, что не рвешься ко мне, я ведь тоже к тебе не рвусь. Пять лет рваться – не по мне (с. 300–302).

Таким образом, «не-встреча» закрепляется как закономерность. В то же время, когда письма 1926–1927 гг. Пастернака становятся все более эмоциональными, Цветаева все чаще пишет о страхе встречи: «Я бы с тобой совсем не умела жить. Я бы тебя жалела на *жизнь* – даже с собой! А м.б. – именно с собой, п.ч. я дома не живу. Что бы мы делали?!» (с. 146) (из письма от 27 марта 1926 г.). И отказ от встречи в 1927 г. усиливает этот мотив, встреча в жизни считается обреченной: «С тобой? Но встреча с тобой *так* обречена, что заранее воля руки опускает» (с. 356) (из письма от 2 октября 1927 г.). Для Цветаевой встреча с этих пор возможна лишь за пределами жизни: «Я хочу с тобой вечного часа / одного часа, который бы длился вечно. Место действия: сон, время действия – те самые его три минуты, герои – моя любовь и твоя любовь» (с. 367) (из письма от 14 октября 1927 г., здесь обыгрывается обращенная к Пастернаку поэма «С моря»).

Упущение множества встреч, пауза в переписке в тот момент, когда она была на эмоциональном пике, объявление о смерти Рильке, страх, сниженная мотивация – всё это становится предзнаменованием «конца романа». Письмам 1927–1928 гг. свойственны те же особенности, что и переписке 1922–1926 гг., однако сквозные мотивы становятся всё менее эмоционально и творчески окрашены, они видятся нам как повторение ставших привычными формулировок. Об этом же

Цветаева напишет в июне 1928 г. (цитату мы приводили в начале главы). Мотивы «встречи» и «не-встречи» остаются как «упоминание». Позже Цветаева закрепит свое расстройство от того, что из писем ушли «сроки» и «города», жизнетворческим актом в июле 1931 г., повесив портрет адресата на стену:

Вчера впервые (за всю с тобой, в тебе – жизнь) <...> повесила на стену тебя – молодого, с поднятой головой, явного метиса, работы отца. <...> Когда я – т. е. все годы до – была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло так выявлять тебя воочию – себе и другим, настолько ты был во мне закопан <...> Выходит – сейчас я просто изъяла тебя из себя – и поставила. – Теперь я просто могу сказать: – А это – Б. П., лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю (с. 487).

Отношения поэтов ухудшились после второго брака Пастернака с Зинаидой Нейгауз. Однако Цветаеву особенно обидело (о чем она писала в 1933 г.) параллель между ее стихотворением, обращенном Пастернаку, со стихотворением Пастернака, посвященным Зинаиде: «Борис, простить ведь не за то, что не писал 2 года (3 года?), а за то, что стихи на 403 стр., явно-мои, – не мне?» (с. 490). Речь шла о совпадении метафоры «рифмованности» в двух стихотворениях «Есть рифмы в мире сем» (1924 г., первое стихотворение цикла «Двое») и «Любимая, молвы слащавой...» (1931 г.), из которого Цветаеву заделали строки: «И я б хотел, чтоб после смерти, / Как мы замкнемся и уйдем, / Тесней, чем сердце и предсердье, / Зарифмовали нас вдвоем» [Пастернак, т. 2, с. 71]. После этого письма стали еще более редкими, и поэты встретились лишь в 1935 г. По многим причинам встреча в 1935 г. стала «не-встречей». В июльском письме Цветаева описывает свою обиду, а также дословно называет произошедшее «не-встречей» (с. 500). А в письме от 6 июля 1935 г. Н. С. Тихонову Цветаева писала, что во время их с Пастернаком «не-встречи» он предавал поэзию, что самое страшное в рамках их «романной» логики:

А плакала я потому, что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику, называя всего себя и все в себе – болезнью. (Пусть – «высокой»). Но он и этого не сказал. Не сказал также, что эта болезнь ему дороже здоровья и, вообще – дороже, – реже и дороже радия. Это, ведь, мое единственное убеждение: убежденность) [Цветаева, т. 7, с. 552].

В письме от 3 октября 1935 г. Пастернак старается объяснить с Цветаевой, ссылаясь на свое состояние, и спрашивает о возможности будущих встреч:

Помнишь ли ты свою фразу про абсолюты? В ней все преувеличено. А состояние мое <...> преуменьшено. Но такое непониманье <...> я встретил и со стороны родителей: они моим неприездом потрясены и перестали писать мне. <...> Но когда же вы приедете? Или опять мы увидимся в Париже? Потому что я серьезно теперь об этом мечтаю, если только судьба мне выздороветь (с. 502–503).

То, что Пастернак не навестил после многолетней разлуки родителей особенно возмутило Цветаеву (отметим, что Пастернак никак не мог как участник советской делегации на антифашистском конгрессе возвращаться не вместе со всеми через Англию, а один через Германию), и в последних письмах она будет беспощадно отзываться об адресате (хотя раньше из Парижа уехала именно Цветаева):

О вашей мягкости. Вы – ею – откупаетесь <...> О, вы добры, вы при встрече *не можете* первыми встать, ни даже откашляться для начала прощальной фразы – чтобы не обидеть <...>. Вы «идете за папиросами» и исчезаете навсегда. И оказываетесь в Москве, Волхонка, 14, или еще дальше (с. 504).

Несмотря на трагичность финала «романа в письмах», вспоминая рассуждения Цветаевой о невозможности жить в реальности с Пастернаком и представить встречу, в рамках «романа» такое заключение представляется логичным. Вспомним еще одно предсказание: в конце марта 1923 г. Цветаева писала Пастернаку: «Вы поэт, Вы видите *будущее*» (с. 60), – а в письме от 4 января 1926 г., Пастернак, как бы предсказывая, писал: «Годы разведут нас в разные стороны, и я от Вас услышу свои же слова, серые, нехорошие <...>. Так будет, потому что – скользнуло предчувствие» (с. 122). Так, поэты предсказывают «конец романа» задолго до его завершения. Собственно, трагический финал более чем логичен именно в мифотворческой плоскости «романа в письмах», счастливый финал противоречил бы его поэтике.

Таким образом, оппозиция «встречи» и «не-встречи» представляется нам главным творческим импульсом для поэтов и основанием «романа в письмах». Несмотря на то, что реальных встреч не случается, как мы указывали в самом начале, договоренность о «встрече» и итоговая «не-встреча» всегда (за исключением последней, в 1935 г.) были творческими импульсами для поэтов, благодаря которым вся альтернативная жизнь переносилась в письма.

Пространство письма как место встречи, жизни и сотворчества

19 ноября 1922 г. Цветаева напишет очень важные для «романа в письмах» и их общего с Пастернаком мифотворческого процесса строчки: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенное, нежели сон, но законы те же» (с. 22). Цветаева пишет это письмо после послания Пастернака, где он с огорчением говорит о том, что не застал ее в Берлине. Так она как бы предлагает Пастернаку в противовес несовершенным встречам в жизни создавать собственное «сонное пространство», включающее «встречи во снах» и «встречи в письмах», пространство воображения и фантазии, где говорят между собой не реальные люди, а их творческие ампулы, «Духи», «Гении». Разберем оба вида встреч.

После введения темы снов в переписку поэты периодически описывают в «романе в письмах» свои «встречи во снах». Есть несколько основных вариаций изображения этого вида встреч. О снах часто пишет Цветаева как об определенном формате существования: «Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, не мыслится мне оно, слишком похоже на сон» (с. 30) (письмо от 10 февраля 1923 г.). Поэты могут просто констатировать факт сновидения о собеседнике, чтобы определить характер восприятия друг друга или утвердить могущество их связи (эту вариацию в большей степени использует Цветаева). Например: «Перо из рук... Уже выходить из княжества слов... Сейчас лягу и буду думать о Вас. <...> Из княжества слов – в княжество снов <...> Я с Вами всю ночь говорила сонным» (с. 48) (из письма Цветаевой от 9 марта 1923 г., здесь также она пишет

по свойственной ей поэтике созвучий, паронимии: снов-слов с прибавлением «княжества» вместо ожидаемого царства); «я буду видеть тебя во сне, и ты об этом ничего не будешь знать» (с. 172) (из письма Пастернака от 20 апреля 1926 г., отметим, что фраза взята из письма, в котором Пастернак просит о паузе в переписке, т. е. утверждение, что он будет видеть Цветаеву во сне, говорит о том, что он не отрекается от нее, а, наоборот, даже вне переписки остается с ней). Сон становится заменой реальной коммуникации: например, Цветаева будет писать в сентябре 1925 г.: «Что у Вас сегодня ночью не звонил телефон? (которого нету) Так это я к Вам во сне звонила» (с. 118) (письмо Цветаевой Пастернаку от второй половины сентября 1925 г.), – и отметит: «Отчего все мои сны о Вас – без исключения! – такие короткие и всегда в *невозможности*» (с. 118). Вероятно, Пастернак запомнил эти слова, потому что в важном письме от 20 апреля 1926 г. он пишет: «В противоположность твоим сновидениям я видел тебя в счастливом, сквозном, бесконечном сне» (с. 170). В этом послании он подробно описывает свое сновидение: ему сообщают, что его спрашивает Цветаева, он бежит по лестнице и наконец встречает ее. Изложение сна напоминает поэтическую прозу, исполненную чувством спокойствия, светом, проливающимся на пространство сна, и гармонией встречи, смешением пространства и героев сновидения, что свойственно поэтике Пастернака. Это письмо произведет сильное впечатление на адресата и станет едва ли не основой поэм «С моря» и «Попытка комнаты».

Второй вид «сонного общения» – сами письма. По своей форме они часто напоминают свободный поток, живую поэтизированную речь, которая никак не фильтруется цензурой или внутренней редакцией. Об этом Цветаева пишет в письме от 18 апреля 1926 г.: «Люб<опытно>, что те твои письма я прочла раз – и потом не перечитывала, м. б. бессознательно превращая их в живую речь, которую нельзя слышать вторично» (с. 167). Пастернак в письме от 20 апреля 1926 г. также отмечал эту особенность: «Поток слов, которые ты пила и выкачивала из меня, прерывался» (с. 169). Такая форма указывает на то, что поэты воображали процесс создания письма как встречу. Во всем рассматриваемом корпусе писем (в 1926 г. в особенности) авторы часто прямо указывают на это, причем их встречи в письмах могут принимать разные формы: простое нахождение вместе (письмо Пастернака Цветаевой от 25 марта 1926 г.: «Наконец-то я с тобой» (с. 136)), разговор (письмо Цветаевой Пастернаку от начала августа 1927 г.: «Борис, я прошла к тебе в комнату, в попытку ее, села с тобой рядом и вот рассказываю» (с. 337), – отметим, что в приведенной фразе поэма «Попытка комнаты» Цветаевой, которая связана с Пастернаком, что задает ей особую творческую насыщенность), прикосновение (письмо Пастернака Цветаевой от 1 июля 1926 г.: «Дай я обниму тебя сейчас крепко, крепко и расцелую, всем накопившимся за рассуждениями» (с. 221); письмо Цветаевой к Пастернаку от 26 мая 1926 г.: «Обнимаю твою голову – мне кажется, что она такая большая – по тому, что в ней – что я обнимаю целую гору, – Урал» (с. 200)), наблюдение друг за другом (письмо Пастернака Цветаевой от 25 марта 1926 г.: «Сижу и читаю так, точно ты это видишь, и люблю тебя и хочу, чтобы ты меня любила» (с. 138)). Оба, создавая общий миф, закладывают в него: метафизическую связь, подразумевающую, что оба обладают проницательностью по отношению друг другу. Иначе говоря, даже если один пишет письмо, второй обязательно должен это по-

чувствовать, следовательно, создавая письмо, адресант создает встречу. Цветаева обыгрывает этот мотив в 1923 г. в стихотворении «Строительница струн – приструну»: «И если гром у нас – на крышах, / Дождь – в доме, ливень – сплошь – / Так это ты письмо мне пишешь, / Которого не шлешь» [Цветаева, т. 2, с. 205]. Таким образом, Пастернак и Цветаева как «герои» «романа в письмах» не находятся на расстоянии всё время, поэты создают письма, обеспечивая возможность разьединенным «душам» встретиться в едином творческом пространстве.

Авторы часто описывают, как включают образы друг друга в окружающую их действительность. В 1923 г. Цветаевой было особенно свойственно уподоблять Пастернака природе, деревьям, поэтому, описывая пространственные метаморфозы, она часто использовала природные метафоры: «Каждое дерево, которое я облюбую глазами, будет – Вы» (с. 44) (из письма от 9 марта 1923 г.); «На моей горе растет можжевельник. <...> Я думаю, что это Вы» (с. 63) (из письма от конца марта 1923 г.). Другая версия приема – поиск прообразов друг друга в окружающих (незнакомых) людях. В письме от 16 августа 1925 г. Пастернак рассказывает, как встретил в проходе трамвайного вагона женщину, в чертах лица и глазах которой он увидел что-то от Цветаевой. Пример похожего включения есть в письме Цветаевой от 15 июля 1927 г., где она увидела Пастернака в прохожем. Однако прообразами в письмах Цветаевой могут быть не только люди, но и окружающие предметы: «Борис, я опять буду называть твоим именем: колодец, фонарь, самое бедное, одинокое» (с. 243) (письмо от 4 августа 1926 г.). В письмах Цветаевой много вариантов метафизических встреч поэтов, она может описывать Пастернака как призрака, явившегося к ней (например, в начале августа 1927 г.).

Для поэтов также характерна игра с биографической реальностью. Наиболее яркими примерами смешения биографического и художественного в письмах Цветаевой, на наш взгляд, являются ее записи о Блоке и о рождении сына. В начале переписки с Пастернаком (11 февраля 1923 г.) Цветаева приписывает себе сверхспособности в судьбе Блока: «Пастернак, я в жизни – волей стиха – пропустила большую встречу с Блоком (встретились бы – не умер!)» (с. 39). Следующий пример, где реальный факт (рождение ребенка) связан с творческим, метафорическим – присвоением себе имени Пастернака и «посвящением» сына поэтическому мифологизированному возлюбленному (письмо от осени 1924 г.: «Я назову его Борисом и этим втяну Вас в круг» (с. 95)); «Я его Вам посвящаю, как древние посвящали своих детей божеств<у>» (с. 95)). Отметим, что линию дарения имени Цветаева начала еще в марте 1923 г., т. е. присвоение имени Пастернака (равно присвоение Пастернака-поэта) – еще один мотив «романа в письмах». Для Цветаевой дать имя Борис своему сыну равно включить Пастернака в свою реальность. Тем не менее, Цветаева не «вводит в семью» поэта (мужу удается отговорить ее). Письмам Пастернака также свойственны такие мифотворческие рассуждения. В послании от 19 марта 1926 г. он описывает, как во время встречи с Ахматовой, когда она заговорила о заимствованиях и влияниях на Гумилева, он почувствовал атмосферу нахождения в классе, в котором ему не хватало Цветаевой, «сестры по парте» (с. 135). В ответном письме Цветаева напишет: «А пока вы с Ахматовой говорили обо мне в Москве, я в Лондоне говорила с эстрады тебя и Ахматову» (с. 145), – т. е. она с помощью указания

на параллелизм происходящих одновременно в их жизнях событий вновь отмечает масштаб связи поэтов.

Переосмысливают поэты не только биографическую, но и творческую реальность. Наиболее важный пример – книга Пастернака «Сестра моя жизнь» – оказывается и предзнаменованием «знакомства», и важнейшей формулой, описывающей метафизическую связь поэтов. Характерная особенность поэтики Пастернака – называть «сестрой» жизнь в целом. Как отмечает Жолковский, заголовок «Сестра моя – жизнь» – «едва ли не самая эмблематичная жизнетворческая формула Пастернака» [Жолковский, 2011, с. 117]. Это заглавие становится важнейшим символом в «романе в письмах» и потому, что это одна из книг, с которой переписка начинается (в том числе она осмысливается как предзнаменование), и потому, что поэты периодически используют заглавие как формулу, описывающую их метафизическую связь: «Вы – сестра мне» (с. 59) (письмо Пастернака от 20 марта 1923 г.), «Ты мой вершинный брат, все остальное в моей жизни – аршинное» (с. 100) (письмо Цветаевой от 14 февраля 1925 г.), «Я не хочу других братьев, кроме тебя» (с. 242) (письмо Цветаевой от 4 августа 1926 г.). Наконец, в приписке к письму от 25 марта 1926 г. Пастернак описывает чувство, его с Цветаевой связывающее, дословно цитируя заголовок: «Ты такая прекрасная, такая сестра, такая сестра моя жизнь, ты прямо с неба спущена ко мне, ты в пору последним крайностям души, ты моя и всегда была моею, и вся моя жизнь – тобой» (с. 137).

Еще одна особенность – частое использование Цветаевой (а затем и Пастернаком) предлога «в», наречия «насквозь» и других семантически схожих слов и конструкций для описания их духовной связи. Например, в письме от 24 августа 1923 г. Цветаева пишет: «Всё меня отшвыривает, Б. П., к Вам на грудь, к Вам – в грудь» (с. 64). Отметим, что примерно теми же словами она опишет в очерке 1937 г. «Мой Пушкин» чтение Пушкина: «Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг» [Цветаева, т. 5, с. 65] (Цветаева связывала фигуры Пастернака и Пушкина). Схожие мотивы есть и в письмах Пастернака: «Вы не ломались в меня, это я в Вас первый с Верстами вломился» (с. 132) (письмо от 4 марта 1926 г.). Об абсолютном единении поэт пишет около 28 апреля 1926 г.: «Я буду молчать в тебя, расти в тебя, писать в тебя» (с. 175).

Особенности изображения портретов и автопортретов

С первых писем авторы подчеркивают, что их переписка – это разговор двух поэтов. Важно, что оба выделяют друг друга на фоне современного им литературного мира. Примечательно, что они отрицают в «романе» телесность вообще, формулируя, что их эпистолярный диалог ведется прежде всего их «Душами»; во многом поэтому им так сложно перенести встречи из писем в жизнь, ведь тогда духовный «брат» или «сестра» материализуется и предстанет не в виде души, а в виде тела⁸. Эти характеристики складываются в яркие портреты «героев» «романа в письмах».

⁸ Подробнее про оппозицию души и тела, а также переосмысление гендера Цветаевой и Пастернаком: [Cierpiela, 2006].

Пастернак с первых писем пишет о масштабах редкого поэтического таланта Цветаевой, используя эпитеты: «возмутительно-большой поэт» (с. 90) (из письма от 14 июня 1924 г.), «большой, дьявольски большой артист» (с. 138) (из письма от 25 марта 1926 г.). Также он вводит образ Цветаевой как «сестры», в «романе в письмах» она – его поэтическая сестра, «сверхъестественно родное предназначенье» (с. 89) (из письма от 14 июня 1924 г.). Однако, несмотря на величину таланта, в силу обстоятельств Цветаева не совпадает со своим временем: «ты сама пока еще моложе своей поэтической зрелости» (с. 335) (из письма от 27 июля 1927 г.), – на что в начале августа 1927 г. Цветаева ему ответит: «“Поэтическая зрелость, опережающая жизненную”. Борис, но на чем мне, в жизни, учиться? <...> Просто: я, для упрощения задачи, обречена на сплошной жизненный черновик» (с. 336). Эта черта – вневременное положение поэта – сближает авторов «романа», об этом же Цветаева пишет в письме от 6 апреля 1926 г.: «Ты, как я, родился – завтра» (с. 153). Такая оценка Пастернаком совпадает с автохарактеристикой Цветаевой, она часто пишет об отсутствии признания и одиночестве, но, в отличие от Пастернака, она не отказывается от высокой оценки ее поэтического гения.

Цветаева, в свою очередь, рисует многоаспектный портрет Пастернака. Осмысление фигуры друга-поэта начинается с оценки масштаба таланта: «Я сейчас в первый раз в жизни понимаю, что такое поэт» (с. 28) (письмо от 10 февраля 1923 г.), – затем она часто подчеркивает его исключительность: «Ты лирик, Борис, каких свет не видывал и Бог не создавал» (с. 239) (письмо от 4 августа 1926 г.). Есть еще несколько характерных черт. Во-первых, Цветаева связывает фигуру поэта с природой, так как, по ее представлениям, он не вписывается в мир людей: «Вам плохо, п. ч. Вы с людьми. – И всё. – С деревьями Вы были бы счастливы» (с. 30) (письмо от 10 февраля 1923 г.). Во-вторых, присутствует изображение поэта как «Духа» и «Гения», именно они, если следовать логике Цветаевой, находятся над Пастернаком-человеком и Пастернаком-поэтом, и именно эта возвышенная часть его оказывается адресатом писем: «Исповедуюсь (не каюсь, а воскаждаю!) не Вам, а Духу в Вас. Он больше Вас, но Вы настолько велики, что это знаете» (с. 29). Однако взгляд поэта на себя отличен от цветаевского. С первых писем он отрекается от высокой характеристики. Пастернаку в целом свойственна самокритика как в творчестве, так и в вопросах повседневности. Например, 23 мая 1926 г. он критически отзываясь о текстах, над которыми работает: «Спекторский определенно плох» (с. 192), – а ранее 12 апреля 1926 г. описывает собственное неумение выходить на фотографиях в осуждающем самоироничном ключе. Тем не менее, вышеописанное восприятие Цветаевой Пастернака в письмах характерно для всего анализируемого корпуса писем, за исключением последних лет переписки и писем после «не-встречи» в 1935 г., когда она разочаровывается в нем (хотя скорее как в человеке и в их связи, которая оказалась не бесмертной, но в ее восприятии он всё еще остается поэтом).

Пастернак и Цветаева формируют в переписке особую связь друг с другом, которая и становится главным сюжетом этого «романа в письмах». Их отношения в переписке строятся на неординарном взаимопонимании и чутье в вопросах поэзии, отношений с современниками и временем в целом, предназначенности друг другу и специфической «любви». Например, письмо Цветаевой от 14 февраля 1925 г.: «Мне всегда хочется сказать: я тебя больше, лучше, чем люблю. Ты

мне *насквозь* родной, такой же жутко, *страшно* родной, как я сама» (с. 99). «Любовь» пронизывает всю переписку, но становится ярко окрашенной сквозной темой в письмах 1926 г. Однако, на наш взгляд, здесь присутствует не влюбленность и страсть, а любовь как некий абсолюте, притяжение к чему-то в высшей степени прекрасному. Поэты «влюбляются» заочно в поэзию, творческий гений друг друга. Об этом практически напрямую Пастернак писал в письме от 27 марта 1926 г.:

Я сказал: больше всего на свете я люблю проявление таланта. <...> К Цейтлинным я попал после конца, после «Разрыва». Я не знал, кто рядом со мной. Я не знал, что рядом со мной сидит то, что я еще тогда любил больше всего на свете (с. 144).

Здесь Пастернак пишет, что Цветаева является для него воплощением таланта, который он любит «больше всего на свете». Об этом же в письме от 7 августа 1927 г.: «Ты – родной, главное же – громадный поэтический мир» (с. 342). Подтверждают описанную нами специфику чувства, как нам кажется, и слова Пастернака в письме от 4 апреля 1926 г.: «...ты такая своя, точно была всегда моей сестрой, и первой любовью, и женой, и матерью, и всем тем, чем была для меня женщина» (с. 149–150). Чувство Цветаевой к Пастернаку можно описать так же. В письме от 11 мая 1927 г. она писала:

Ты мне, Борис, нужен как пропасть <...> Чтобы было куда любить. Я не могу (ТАК) любить не поэта (с. 310).

Цветаева описывает их любовь в «романе в письмах» как специфическую любовь равных поэтов, это любовь к абсолюте, поэтическому миру, к таланту друг друга. Такая «любовь» связана напрямую с главным делом жизни обоих – поэзией, «любить» друг друга, по этой логике, означает отдаться целиком поэзии, таланту, призванию и идти по этому пути вместе со своим поэтическим «братом» или «сестрой».

Заключение

Таким образом, переписка Пастернака и Цветаевой (1922–1935 гг.) представляет собой сконструированный обоими корреспондентами «роман в письмах», специфическая особенность которого – смешение жизни и творчества. Письма осмыслились самими поэтами частью своего творчества, на что указывают отношение авторов к совместному эпистолярному наследию как к художественной работе, с одной стороны, и поэтика писем, их нарочито творческий характер, с другой.

Эпистолярный диалог имеет характерные поэтику и комплекс тем. Главным и сквозным мотивом, на наш взгляд, является оппозиция «встреча» и «не-встреча». Именно отгалкиваясь от нее, поэты задают письмам творческий потенциал, создают мифологизированную историю их отношений и сюжет «романа в письмах». «Роман в письмах» – необходимая поэтам инстанция, альтернативная творческая жизнь, место встречи двух разъединенных судьбой поэтов. Пастернак и Цветаева изображают друг друга в письмах как духов, отделенных от тела творческих гениев, поэтому связывает их не плотская любовь и страсть, а метафизическая связь и любовь огромных масштабов к душе, поэзии друг друга.

Основные мотивы, на которых строится «повествование романа», – небесная предназначенность поэтов друг другу, роковая разъединенность, невозможность быть вместе в жизни реальной и противопоставленные ей «встречи в письмах», «во снах», жизне- и мифотворческая трансформация реальности, включение друг друга в свою действительность с помощью фантазии и искусства.

Важно сказать, что литература становится еще одним пространством реализации «встречи» поэтов. Этому сюжету посвящена другая часть работы, но здесь стоит упомянуть основные выводы. И Пастернак, и Цветаева переносят сюжет «романа в письмах» в произведения, однако делают это совершенно по-разному (и это позволяет увидеть разницу в том, как поэты воспринимали «роман в письмах» в том числе). Способы осмысления отношений в произведениях можно описать через оппозицию небесного и земного. Подход Цветаевой более «небесный»: в ее поэзии тема «не-встречи» всегда завязана на воссоединении душ после земной «не-встречи» за пределами жизни, в бессмертии. Для нее Пастернак – духовный «брат», жизнь с которым начнется после смерти обоих. Пастернак же подходит к перенесению их истории из писем в произведения более прозаично. Произведения Пастернака, где мы находим присутствие Цветаевой, – это всегда фантазия на тему «что случилось бы, если бы поэты сошлись в реальной жизни». Несмотря на связь и понимание героев Пастернака, в основу отношений которых заложен их с Цветаевой «роман в письмах», история всегда заканчивается трагически, причем зачастую инициатором разрыва становится тот, чьим прототипом выступает Пастернак. Тема бессмертия у поэта присутствует в характерной для поэтики его творчества вариации – это бессмертие через искусство.

Завершить нашу работу мы хотели бы строками Пастернака из автобиографического очерка «Люди и положения»:

Если бы я стал рассказывать случай за случаем и положение за положением историю объединявших меня с Цветаевой стремлений и интересов, я далеко вышел бы из поставленных себе границ. Я должен был бы посвятить этому целую книгу, так много пережито было тогда совместного, менявшегося, радостного и трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор [Пастернак, т. 3, с. 340].

Тогда еще Пастернак думал, что письма Цветаевой утеряны навсегда, и воспоминания об их общей «целой книге» останутся лишь на страницах автобиографических очерков и произведений авторов. К счастью, сохранились не только они, но и удивительный «роман в письмах» о сплетении судеб двух важнейших поэтов XX века.

Список литературы

Войтехович Р. С. Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета. Тарту: Tartu Uni. Press, 2005. 164 с.

Динега Гиллесту А. Марина Цветаева. По канату поэзии. СПб.: Издво Пушкинского Дома: Нестор-История, 2015. 480 с.

Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛЮ, 2011. 608 с.

Катанян В. А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А. Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 648 с.

Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003.

Поливанов К. М. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: несколько параллелей // *De visu*. 1992. № 0. С. 52–58.

Раевская-Хьюз О. Борис Пастернак и Марина Цветаева: К истории дружбы // Вестник РСХД. 1971. № 100. С. 281–305.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.

Цветаева М. И., Пастернак Б. Л. Чрез лихолетие эпохи...: Письма 1922–1936 годов / Изд. подгот. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко. М.: Издательство АСТ, 2017. 656 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: НЛЮ, 2002. 464 с.

Ciepiela C. The same solitude: Boris Pasternak and Maria Tsvetaeva. Ithaca, London: Cornell Uni. Press, 2006. 301 p.

References

Ciepiela C. The Same Solitude: Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva. Ithaca; London, Cornell Uni., 2006, 301 p.

Dinega Gillespie A. Marina Tsvetaeva. Po Kanatu Poezii [Marina Tsvetaeva. Along the poetic tightrope]. St. Petersburg, Pushkin House [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences] and Nestor-Istoriia, 2015, 480 p. (in Russ.)

Katanyan V. Mayakovsky. Chronicle of life and career. Moscow, The Soviet writer, 1985, 648 p. (in Russ.)

Pasternak B. Complete works. In 11 vols. Moscow, Ellis Luck, 2005. (in Russ.)

Polivanov K. Marina Tsvetaeva v romane Borisa Pasternaka “Doktor Zhivago”: Neskol’ko parallelei [Marina Tsvetaeva in Boris Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”: Several parallels]. *De visu*, 1992, no. 0, pp. 52–58. (in Russ.)

Raevskaya O. Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva: k istorii druzhby [Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva: Towards the history of friendship]. *Bulletin of the RSHD*, 1971, no. 100, pp. 281–305. (in Russ.)

Shevelenko I. Literaturniy put' Tsvetaevoi: Ideologiya, poetika, identichnost' avtora v kontekste epokhi [Tsvetaeva's Literary Way: Ideology, poetics, author's identity in the context of the epoch]. Moscow, New Literary Observer, 2015, 464 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M., Pasternak B. Chrez likholetie epokhi...: Pis'ma 1922–1936 godov [Through the hard times of the epoch...: Letters of 1922–1936]. Prep. by I. Shevelenko and E. Korkina. Moscow, AST, 2017, 656 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. Complete works. In 7 vols. Moscow, Slovo, 1994. (in Russ.)

Voitekhovich R. S. Psikhya v tvorchestve M. Tsvetaevoi: evolyutsiya obraza i syuzheta [Psyche in the works of M. Tsvetaeva: the evolution of image and plot]. Tartu, Tartu Uni. Press, 2005, 164 p. (in Russ.)

Zholkovsky A. Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty [Pasternak's poetics: invariants, structures, intertexts]. Moscow, New Literary Observer, 2011, 608 p. (in Russ.)

Сюжет, мотив, жанр

Информация об авторах

Владислава Олеговна Нурхаметова, студентка магистерской программы «Русская литература и компаративистика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Authors

Vladislava O. Nurkhametova, Student of the master's program "Russian and Comparative Literature" at the National Research University "Higher School of Economics"

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 11.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*